

³ *Keilhau B.M.* Reise i Öst-og Vest-Finnmarken samt til Beeren-Eiland og Spitsbergen i aarene 1827 og 1828. Christiania, 1831. S. 225.

⁴ *Torfæus T.* Gronlandia antiquæ. Copenhagen, 1706. Tabl. 6.

⁵ *Старков В.Ф.* Очерки истории освоения Арктики. Т. I. М., 1998. С. 8–17; *Державин В.Л.* Свальбард в картографии Гренландии XVI–XVIII вв. // Российская археология. 2016. № 4. С. 151–161.

⁶ *Русте У.* История внешней политики Норвегии. М., 2003. С. 155.

⁷ *Саватюгин Л.М., Дорожкина М.В.* Архипелаг Шпицберген. Российские имена и названия. СПб., 2009. С. 8.

⁸ The Place Names of Svalbard // Rapportserie. № 122. Norwegian Polar Institute. Tromsø, 2003. P. 15.

⁹ *Chochorowski J.* Problems of the dendrochronology of Russian hunting stations of Spitsbergen. Krakow, 1999. S. 93–101.

¹⁰ См.: *Conway M.* No man's land. Cambridge, 1906.

¹¹ *Державин В.Л.* Попытка организации русского угледобывающего производства на острове Медвежьем в начале XX века // Комплексные исследования природы Шпицбергена. Вып. 11. М., 2012. С. 62–67.

¹² *Berg R.* From «Spitsbergen» to «Svalbard». Norwegianization in Norway and in the «Norwegian Sea», 1820–1925 // Acta Borealia. 2013. Vol. 30(2). P. 154–173.

¹³ АВПРИ, ф. 155, оп. 930, д. 5, л. 214.

¹⁴ *Русте У.* История внешней политики Норвегии. С. 157.

Пётр Базанов, Александр Пученков

«Правитель омский» и его дипломатия*

Petr Bazanov (Saint Petersburg State Institute of Culture, Russia),

Aleksandr Puchenkov (Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia)

«The Governor of Omsk» and his diplomacy

Уроженец Калифорнии и потомственный русский эмигрант кандидат исторических наук Анатолий Всеволодович Шмелёв хорошо известен в кругу специалистов не только как научный сотрудник Гуверовского института войны, мира и революции Стенфордского университета и куратор коллекции России и Евразии имени Р. Конквеста, но и как автор-составитель второго — существенно переработанного и дополненного — издания указателя А.А. Геринга «Материалы для библиографии русской военной печати за рубежом» (N.Y., 2007).

В своей монографии, опираясь на материалы огромной архивной коллекции Гуверовского института, ГА РФ и АВПРИ, а также на хорошо известную ему мемуаристику, Шмелёв анализирует одну из причин поражения белых в Гражданской войне. «Неуспех Белого движения, — пишет автор, — в какой-то мере обусловлен его внешней политикой, исходившей не из реальной обстановки, а из иллюзий того, что “должно быть”. Белые не принимали во внимание слабость своих правительств и их

международную изоляцию, их политика скорее раздражала иностранные державы» (с. 8). Вместе с тем исследователь стремится «опровергнуть стереотипную оценку омского правительства как марионеточного, равно как и избежать противоположной крайности» (с. 8).

По словам Шмелёва, «тремя главными направлениями внешней политики правительства Колчака являлись признание, снабжение и единство России» (с. 215). Соответственно книга состоит из трёх глав, в которых рассматривается «вопрос о признании правительства адмирала Колчака», раскрываются его взаимоотношения с государствами-лимитрофами и характеризуется «военная помощь иностранных государств» Омску. Признание омского правительства всероссийским в 1919 г. являлось несомненно важнейшей задачей, стоявшей перед внешнеполитическим ведомством Колчака, что в значительной степени объяснялось желанием белых включиться в работу Парижской мирной конференции (с. 15), на которую русскую делегацию так и не допустили. Кроме того,

* *Шмелёв А.В.* Внешняя политика правительства адмирала Колчака (1918–1919 гг.). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 266 с.; [4] с. ил. (Эпоха войн и революций; вып. 9).

признание союзников «могло укрепить авторитет правительства внутри и вне страны, особенно в условиях междоусобной войны» (с. 16). Однако участие России «в мирной конференции в качестве державы-победительницы» (с. 215) отнюдь не соответствовало интересам союзников, стран Антанты, предпочитавших наблюдать за междоусобной борьбой, в которой воюют друг с другом несколько одинаково нелегитимных правительств¹. И вряд ли какие-либо уступки и декларации Колчака и других вождей Белого движения могли бы изменить ситуацию. В итоге, несмотря на все усилия белогвардейской дипломатии, добиться международного признания Омска ей так и не удалось².

Вполне обоснованно Шмелёв уделяет особое внимание фигуре С.Д. Сазонова, «окостенение, ригоризм и схоластика» которого не раз возмущали мемуаристов, полагавших, что Сергей Дмитриевич «слишком увлекался будущим России, забывая о настоящем»³. Шмелёв, напротив, не только не осуждает «мудрую осторожность» Сазонова, но и считает, что бывший царский министр в начале марта 1919 г. проявил «достаточную гибкость и готовность признать самостоятельность Финляндии» (с. 97). «Сазонов не любил выступать в роли просителя, — констатирует историк. — Вся его дипломатическая карьера, прежде всего звёздный час соглашения о Константинополе и проливах, проходила под эгидой Великой России. И в Париж он приехал в начале 1919 г., чтобы представлять эту великую державу на мирной конференции. Но вышло так, что представлять на тот момент было нечего, а Сазонов не сумел решить насущную задачу — содействие белым армиям в их борьбе» (с. 144).

Колчак изображается Шмелёвым как прагматик, вдумчивый и осторожный политик, взвешивающий каждое своё слово и осознающий, что за ним «стоят судьбы людские». Готовясь к принятию решения по тому или иному вопросу, верховный правитель собирал материалы и внимательнейшим образом знакомился с ними. Это в полной мере проявилось при обсуждении возможности признания независимости Финляндии. В обмен белым сулили масштабную помощь в боевых действиях против красного Петрограда. Г.З. Иоффе утверждал даже в своей монографии, что К.Г. Маннергейм был «согласен двинуть в поддержку Юденичу 100-тысячную армию. Единственным условием он ставил официальную декларацию “верховного правителя” о признании независимости Финляндии»⁴.

Однако Шмелёв убедительно показал, что «Колчак воспринимал отпадение Финляндии как осуществление германской (и, возможно, также союзнической) мечты об угрозе

государственной безопасности России, уничтожении её Балтийского флота и великодержавной мощи России вообще». «Отношение Колчака к независимости Финляндии, — пишет исследователь, — сформировалось ещё во время его службы в Морском генеральном штабе: “Финляндия составляет непереносимое условие существования Российского государства как такового”. Колчак руководствовался не реакционностью или национальной гордостью, а постулатами военно-морской науки начала XX в. Нетрудно понять Колчака, положившего столько сил и трудов на строительство Балтийского флота и придававшего ему такое стратегическое и политическое значение» (с. 123). Адмирал «знал цену всему, что было у России на Балтике: он знал, какими усилиями всё это строилось, и понимал значение побережья Балтийского моря для государственной обороны» (с. 122). Теряя же Финляндию и Прибалтику, Россия «лишалась возможности держать на Балтийском море мощный флот» и защищать Петроград. Колчак, для которого «Балтийский флот был гарантом безопасности России, символом её великодержавного статуса и в известной степени личным детищем... не мог смириться с такой перспективой» (с. 216–217). В результате он «разрывался между очевидной выгодой освобождения Петрограда, особенно в столь трудный момент для белых, и невозможностью санкционировать финляндскую независимость» (с. 131).

При этом нужно учесть, что наступления финских войск на Петроград в 1919 г. едва ли следовало ожидать: Маннергейм был реалист и военный профессионал высокого класса, прекрасно понимавший, что захватить Петроград с наскока не удастся, неизбежны крупные потери, что осложнило бы его положение перед приближавшимися президентскими выборами в Финляндии. Решиться на серьёзные действия он мог лишь при наличии полностью защищённого «политического тыла», а также при заранее обозначенном и частично выданном «гонораре» от белых правительств. И Колчак не случайно не торопился с предоставлением Финляндии «капитальных», как говорили тогда, уступок, полагая, что «мы их признаем, а они всё-таки не помогут»⁵. Так или иначе, заключает автор, «политика белых правительств в вопросе о признании независимости Финляндии и государств Прибалтики, как и вся их внешняя политика, полностью исходила из дипломатических постулатов императорского и Временного правительств. Непредрешенчество в этом вопросе и ссылки на его окончательное решение новым Национальным (Учредительным) собранием лишь подкрепляли твёрдое намерение

не поступаться великодержавными интересами России» (с. 146).

Шмелёв сетует на «закостенение политики белых правительств» в отношении окраин Российской империи (с. 145). Однако в действительности оно объяснялось прежде всего их исключительным чувством исторической ответственности за судьбу Родины. Обретённая в ходе Гражданской войны громадная власть не вскружила голову ни А.В. Колчаку, ни Н.Н. Юденичу, ни А.И. Деникину — разбрасываясь территориями, обильно политыми русской кровью, они считали себя не вправе. «История никогда не простит нам, — писал в одной из своих резолюций Деникин, — если мы твёрдо и самоуверенно не будем защищать русское достоинство от местного сепаратизма и внешних захватов»⁶. К тому же белые были убеждены в невозможности обретения национальными окраинами независимости без санкции на то русской верховной власти. Так думал Колчак, схожую позицию отстаивало и Русское политическое совещание, собравшееся в Париже под председательством бывшего главы Временного правительства кн. Г.Е. Львова. Главнокомандующий Вооружёнными силами на Юге России генерал А.И. Деникин вспоминал: «Мы не предпринимали будущих форм государственного устройства России (монархия или республика), и это обстоятельство вызывало у многих обвинение в лукавстве и скрытом монархизме. Мы противились своекорыстным посягательствам иностранных держав на русское достоинство и вмешательству их во внутренние наши дела, и это считалось русскими интернационалистами справа ошибочной политикой, ослабляющей приток иностранной помощи. Мы не могли санкционировать отторжение от России её окраин, и это обстоятельство вызывало со стороны русских интернационалистов слева обвинение в шовинизме и империализме и лишало нас активной помощи новообразований»⁷.

Внимательно проследив *реальное*, а не декларируемое отношение западных держав к омскому правительству, Шмелёв констатирует, что «при всей своей враждебности к большевизму союзники в целом не проявляли и особенной симпатии к белым» (с. 220). Ведь «в 1918—1919 гг. — и это особенно заметно в высказываниях президента Вильсона — большевизм казался временным явлением, вызванным социально-политическим кризисом не только в России, но и в послевоенной Европе вообще». Между тем «планы союзников были не только антибольшевистскими, но и анти-русскими»: «Правящие круги союзнических стран, — обоснованно утверждает исследователь, — боялись большевизма, который представлял нечто новое и неизведанное. Но они

боялись и белых, которые представляли собой старое и слишком хорошо известное. Великая единая Россия отпугивала очень многих (хотя некоторые видели в ней необходимый противовес Германии). Во внешней политике белых, проникнутой этой идеей, другие державы видели потенциальную опасность для себя. Идеи великодержавности, империи руководили не только политикой Сазонова, но и Колчака, который своей прежней деятельностью во флоте близко соприкасался с геополитическими интересами Российской империи» (с. 220—221). Пересматривая до сих пор ещё распространённое в массовом сознании представление о том, что «интервенты» стремились к победе белых, автор соглашается с мнением члена Омского правительства Г.К. Гинса, по словам которого, «союзные державы не могли быть сколько-нибудь серьёзно заинтересованы в поддержке и даже внимательном отношении к гибнущей власти. Наоборот, они могли легко поддаться тенденции ликвидировать эту власть»⁸. Шмелёв резонно полагает, что «если союзникам действительно нужны были белые, они признали бы их правительство и помогли бы ему. Логическое заключение напрашивается само собой: они не были необходимы, по крайней мере такими, какими они были» (с. 220).

В целом, по мнению Шмелёва, «внешняя политика белых правительств была тесно связана с их общим мировоззрением: с одной стороны, она была следствием идеи неопределённости, с другой — она настойчиво отстаивала сохранение великой единой России и удержание прерогативы великой державы. Внешняя политика белых правительств имела важный внутренний смысл — она должна была играть роль национального, объединительного фактора в борьбе с большевиками и выдвигалась в качестве противовеса их внешней политике. В советской историографии утвердилось мнение, что правительство адмирала Колчака являлось марионеточным, установленным союзниками и исполняющим их указания, но история его внешней политики доказывает обратное: проводимая им линия в отношении Финляндии и Прибалтики, попытки повлиять на союзников, борьба за признание и участие в мирной конференции, разработка аргументации для овладения Константинополем и проливами — всё указывает на продолжение великодержавной политики старой России. Внешняя политика омского правительства была самостоятельной и великодержавной. Это и предопределило его участь, так как проводники этой политики были зависимы и слабы» (с. 221). Нельзя не согласиться и с тем, что «характерная черта внешней политики белых — принятие желаемого за действительное. Отказ от понимания реальной

обстановки составляет принципиальную черту всей внешней политики белых в течение всего 1919 г. Истоки этого неверного восприятия окружающего мира нелегко определить, коль скоро речь идёт о достаточно опытных, искушённых в международной политике людях, например, о Сазонове. Конечно, большую роль играл багаж прошлого: уверенность в восстановлении России и занятии ею своего прежнего места в международных отношениях... Таким образом, внешняя политика правительства Колчака завязла в своих собственных противоречиях. Сильная политика, проводимая слабым правительством, самостоятельный курс, проводимый зависимым правительством, дореволюционные идеи, проводимые в послереволюционных условиях, — так можно вкратце охарактеризовать внешнюю политику верховного правителя России, адмирала А.В. Колчака и его министра иностранных дел С.Д. Сазонова» (с. 222).

Исследование А.В. Шмелёва напоминает современному российскому читателю о лучших традициях русской эмигрантской исторической школы, представителем которой он является. Монография удалась: в ней превосходно сочетаются богатство фактического материала и мастерские аналитические суждения автора. Данная книга несомненно займёт достойное место в историографии Гражданской войны в России.

Алексей Филитов

Рец. на: Документы внешней политики СССР. 1943. Т. XXVI. В 2 кн. Кн. 1. Январь—август. 744 с.; Кн. 2. Сентябрь—декабрь. 676 с. Майкоп: Полиграф-ЮГ, 2016

Aleksey Filitov

(Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Russian State University for the Humanities, Moscow)

Rec. ad op.: Dokumenty vneshney politiki SSSR. 1943. T. XXVI. 2 vol. Maykop, 2016

Завершение в 1943 г. коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны (и Второй мировой в целом) самым непосредственным образом повлияло на внешнеполитическую деятельность Советского государства — её результативность повысилась, расширился диапазон целей и задач. На межсоюзнических конференциях в Москве (19–30 октября) и Тегеране (28 ноября — 1 декабря) впервые было принято согласованное решение об открытии второго фронта в Европе. Началась работа по

Примечания

¹ Подробнее см.: *Смолин А.В.* У закрытых дверей Версальского дворца. Парижская мирная конференция и русская дипломатия в 1919 году. СПб., 2017. С. 211.

² *Хандорин В.Г.* Национальная идея и адмирал Колчак. М., 2017. С. 348.

³ *Михайловский Г.Н.* Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. Кн. 2. М., 1993. С. 202, 360. О С.Д. Сазонове см. также: *Цветков В.Ж.* Белое дело в России. 1919 г. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2009. С. 394; *Пученков А.С.* Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 — весна 1920 г.). М., 2016. С. 29–32.

⁴ *Иоффе Г.З.* Колчаковская авантюра и её крах. М., 1983. С. 196–197.

⁵ *Кручинин А.С.* Адмирал Колчак: жизнь, подвиг, память. М., 2010. С. 332.

⁶ Цит. по: *Ушаков А.И., Федюк В.П.* Белое движение и право наций на самоопределение // Проблемы экономической и политической истории России. М., 1998. С. 103.

⁷ *Деникин А.* Борьба продолжается // Борьба за Россию. Париж. 1927. №6. С. 6.

⁸ *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории, 1918–1920. М., 2013. С. 608–609.

планированию послевоенного мирного урегулирования, появились новые возможности в деле выстраивания добрососедских отношений с государствами, непосредственно граничащими с СССР. Оживились его контакты со странами, ранее не проявлявшими заинтересованности в развитии с ним связей или даже занимавшими по отношению к нему враждебные позиции.

Все эти новые направления в советской внешней политике и дипломатии отражены